

DOI 10.15826/izv2.2016.1.018

УДК 811.161.1'373 + 801.73

С. М. Белякова*Тюменский государственный университет*

Тюмень, Россия

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье на материале, извлеченном из Национального корпуса русского языка, рассматриваются представления о феноменах настоящего и будущего, характерные для носителей современной русской лингвокультуры. В качестве конкретных языковых фактов анализируются контексты с субстантивами *настоящее* и *будущее*. Целью работы стало определение общих представлений об этих модусах времени, их взаимосвязи, выявление метафор, применяемых для описания настоящего и будущего, установление способов их познания.

Анализ контекстов, включающих лексику *настоящее*, показывает, что они, как правило, содержат сопоставление данного модуса с другими. Изолированное употребление этой лексики отмечено лишь в 24 % примеров, чаще всего настоящее сравнивается с прошлым, обуславливается им. Это наиболее «зависимое» время. *Будущее*, напротив, характеризуется «самодостаточностью» (около 85 % изолированных употреблений). При этом нередко отмечается ироническое отношение к будущему.

Анализируемые модусы описываются при помощи следующих типов метафор: визуальная, слуховая, двигательная, конструктивная, а также артефактная (и ее разновидность — посессивная). Все они характерны для объективации будущего. В репрезентации настоящего практически не реализуются визуальная и посессивная метафоры, а остальные имеют особенности.

При восприятии феномена настоящего важны не методы его познания, а мышление о нем, его оценка. Способы познания будущего — это планирование, прогнозирование, предвидение и предчувствие, чаще всего для их обозначения используется глагол *увидеть*. Феномен времени, эволюционируя, продолжает оставаться актуальным для нашего социума.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык; лексика; фразеология; метафоры; время; настоящее; будущее; способы познания.

Прошлого нет, будущего нет, настоящее
скользит микронным лезвием сиюминутности,
переноса нас из одного небытия в другое.

Г. Садулаев

Время — это одна из основных мировоззренческих категорий, играющих большую роль в жизни современного человека. Несмотря на значительное число работ, посвященных репрезентации этого феномена в языке, интерпретация темпоральных представлений остается важной задачей современного языкознания. Трехмодусное членение времени, являющееся лингвистической (и, вероятно,

в первую очередь психической) универсалией, отражено в грамматическом строе русского языка и его лексическом фонде, которые дублируют друга в этом отношении. Прежде всего, обратим внимание на то, что лексемы, используемые для обозначения модусов времени в целом и модусов времени как грамматических категорий, совпадают, относясь к настоящему и будущему, но не совпадают при обозначении прошлого (*прошлое / прошедшее время*). Это может быть объяснено особой важностью прошлого, минувшего. Подчеркнем и общее происхождение указанных лексем: это субстантивированные причастия (прилагательные), бывшие ранее (и в определенных контекстах остающиеся) определениями понятия «время». При этом каждый модус имеет свою специфику.

В рамках данной статьи рассмотрим представления о феноменах настоящего и будущего, характерные для языкового сознания носителей современной русской лингвокультуры (на материале лексико-фразеологического уровня языка). Оба эти феномена сложны (каждый по-своему), что объясняется особенностями апперцепции времени и его осмысления человеком. Представляется, что специфика настоящего имеет онтологическую природу, а будущего — психологическую.

Основным модусом, по логике вещей, должно выступать настоящее время. Оно представляет собой точку (момент) отсчета на временной оси, в соответствии с которой определяется как прошлое, так и будущее. Сложность заключается в том, что сферой «абсолютного настоящего», или планом настоящего, может выступать временной отрезок различной длины. Его границы весьма неопределенны, т. е. обозначение «абсолютного настоящего» в языке так же дейктично, как и другие темпоральные наименования. Эти границы определяются исходя из коммуникативной ситуации и прагматики сообщения. Как пишет А. В. Кравченко, «с точки зрения языка, настоящее есть осознаваемое наблюдателем восприятие того или иного фрагмента действительности, оно ориентировано на наблюдателя как источник сообщаемой в высказывании информации» [Кравченко, с. 20]. С этим коррелирует выделяемое в морфологии расширенное настоящее время [см., например: Современный русский язык]. Эти языковые факты согласуются с современными физическими теориями времени, в соответствии с которыми настоящее — это интервал, имеющий продолжительность.

Что касается модуса будущего, то принято считать, что он характеризует-ся меньшей репрезентацией в русском языке. Будущее время в естественных языках всегда занимает более периферийное место [см.: Мельчук] и является сравнительно поздним образованием. Причины такой «непроявленности» будущего времени очевидны. Это время планов, прогнозов, экстраполяции, время, имеющее максимально абстрактный характер. Как пишет философ, это «единственное предполагаемое время не(до)осуществленности, не(до)мыслимости и не(до)бытийности» [Неретина, с. 129].

По мнению Г. Рейхенбаха [Рейхенбах, с. 285], «информационное» различие между прошлым и будущим — это не различие между знанием и незнанием, а различие в методах, при помощи которых мы получаем сведения о прошлом

и будущем. Основные «методы», применяемые по отношению к будущему, это планирование, прогнозирование (как рациональное, так и иррациональное), предвидение и предчувствие.

В то же время, как отмечают философы и социологи [см., например: Савельева, Полетаев, с. 582–584], период XIX и в особенности XX вв. характеризовался повышенным вниманием к будущему, увеличением его роли в жизни человека, активностью по отношению к нему. Это связано с представлениями о прогрессе, линейной модели эволюции человечества. Так, Карл Маркс еще в 1843 г. опубликовал работу «Основные положения философии будущего». Следует упомянуть здесь и футурологию, возникшую на рубеже XIX–XX вв., предметом которой является прогнозирование будущего, экстраполяция на него определенных тенденций настоящего.

Среди многочисленных лексических воплощений указанных модусов времени мы выбрали для анализа только субстантивы *настоящее* и *будущее*. В качестве главного источника использованы материалы основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Из него были извлечены примеры с соответствующими лексемами. Корпус содержит 16 309 документов и 46 819 вхождений со словом *настоящее* и 15 205 документов и 43 683 вхождения со словом *будущее*. Однако эти цифры не могут считаться репрезентативными из-за высокой степени омонимии лексемы *настоящее*. Устранение омонимии показало, что число вхождений субстантива с изучаемой семантикой составляет лишь ¼ всех примеров. Таким образом, частотность лексемы *будущее* превышает частотность употребления лексемы *настоящее* примерно в четыре раза. Заметим, что омонимия лексемы *настоящее*, хорошо известная носителям языка, зачастую обыгрывается в текстах, например: *В настоящее время... А что, бывает ненастоящее?* (М. Кучерская).

Для каждой лексемы было выделено и проанализировано по 240 вхождений (контекстов), которые датируются 1986–2015 гг. Этот материал дополнен некоторыми примерами из составленной нами картотеки.

Толковые словари, в частности «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС], приводят одно значение для лексемы *настоящее* — «данное время; совокупность событий, происходящих сейчас, в данное время» [МАС, т. 2, с. 400]. Лексема *будущее* имеет два тесно связанных между собой значения: 1) «время, следующее за настоящим, совокупность предстоящих событий; *противоп.* прошлое»; 2) «участь, судьба; карьера», оттенок второго значения — «успех в будущем» [МАС, т. 1, с. 121]. Нами рассмотрены оба эти значения в совокупности, нужно подчеркнуть, что некоторые контексты отражают их нейтрализацию, когда сложно определить семантические различия между ними. Обратим внимание также на то, что значение слова *настоящее* определяется как его имманентное свойство, тогда как семантика *будущего* — через отсылку к другим модусам.

Материал был проанализирован с точки зрения определения общих представлений об этих модусах времени, типичных для данного периода, их

взаимосвязи, выявления метафор настоящего и будущего, актуальности определенных методов познания настоящего и будущего.

Контексты, включающие лексику *настоящее*, как правило, содержат сопоставление данного модуса с другими. Так, изолированное употребление этой лексики отмечено лишь в 24 % примеров. Сочетание настоящего и будущего встречается также в 24 % контекстов, а всех трех модусов — в 22 % (что находится в пределах статистической погрешности). Наибольший процент (30 %) составляют примеры, в которых настоящее связывается с прошлым: первичная временная дихотомия, по А. В. Кравченко [Кравченко, с. 17]. Таким образом, настоящее оказывается весьма «зависимым» временем, проявляющим себя, главным образом, на фоне других модусов.

Совершенно другую картину дают нам контексты с лексемой *будущее*. Из проанализированных 240 вхождений 203 содержат ее изолированное употребление, что составляет 84,6 %. На различные сочетания, таким образом, приходится в совокупности чуть более 15 %. Из них наибольшей представленностью характеризуется сочетание будущего и прошлого: 21 пример, или 8,8 %. Такая «самодостаточность» будущего нуждается в объяснении.

Анализ контекстов начнем с атрибутивных сочетаний, содержащих, как правило, аксиологический компонент значения. Сразу отметим, что лексема *настоящее* сопровождается меньшим количеством определений (примерно в два раза), нежели лексема *будущее*. Общая оценка амбивалентна, наряду с положительной (*блестящее, завораживающее, светлое, славное*), чрезвычайно актуальна отрицательная оценка (*маленькое, вредительское, мрачное, эсхатологическое, беспокойное и драматичное, серое, нерадужное*). Отмечены плеонастические определения: *ежедневное, актуальное, теперешнее*. Есть примеры прилагательных, отражающих философскую сущность феномена настоящего: *продолженное, неразрешимое, неуследимое, вечное, глобальное, высоковольтное*.

Феномен будущего также оценивается амбивалентно: положительная оценка — *светлое, большое, лучшее, безоблачное, счастливое, блестящее, светозарное, обеспеченное, благополучное, красивое, славное*; отрицательная — *мрачное, безликое, эсхатологическое, угрожающее, беспросветное*. (Отметим попутно наличие прилагательных, которые могут определять как настоящее, так и будущее: *светлое, славное, блестящее; мрачное, эсхатологическое*.) Однако часто подчеркивается неизвестность будущего: *нет никакой картины будущего; о весьма и весьма неопределенном будущем; делает будущее туманным и неопределенным; гипотетическое будущее*. Часто фиксируется ироническое отношение к феномену будущего, что особенно ярко проявляется при использовании известного клише-советизма, восходящего, вероятно, к известному роману Н. Г. Чернышевского, — *светлое будущее*.

Рассмотрим более подробно это клише, являющееся ярким советизмом темпоральной семантики. Представления о будущем важны для любой культуры, но многие исследователи считают, что устремленность в будущее во многом характеризовала русскую культуру XX в., особенно советского периода. В силу

господствующей тогда идеологии взгляд в будущее нашей страны (а подразумевалось — и каждого человека) был неизменно оптимистичным. В материалах рассматриваемого периода это сочетание остается весьма частотным, но переосмысливается, как правило, в ироническом ключе — «насмешкой горькою обманутого сына». Однако такая ирония может быть направлена не только на прошлое, но и на реалии настоящего. Об этом говорят многочисленные примеры: с *огромным опытом построения светлого капиталистического будущего; а на обертку какое светлое будущее пошло; вот тогда и посмотрим, каким оно станет, наше светлое демократическое туалетное будущее; только бедные трудоголики-бизнесмены ведут нас к светлому будущему; и уж совсем безмозглые живут не просто в светлом, но даже ослепительном будущем, при котором придется жить в темных подвалах и землянках, чтобы не испортить зрение сиянием* (М. Бару); *наконец нас отучили надеяться на светлое будущее* (из частного разговора); а также контексты с синонимами: *сомнения в светозарном будущем; на фоне сияющих видов вечного будущего*. Особенно красноречив пример с пародийным названием совхоза «*Вперед ногами в светлое будущее!*» (Т. Соломатина). Здесь во вполне типичное лозунговое название советского совхоза вставлено еще одно слово — *ногами*, что в корне меняет смысл, ибо всем хорошо известно, кого и куда выносят вперед ногами и какое перед ним открывается будущее. Однако ирония может относиться и к самой возможности «увидеть» будущее, т. е. получить о нем достоверные сведения.

Бытийные глаголы при лексеме *настоящее* отмечаются редко: *существует настоящее, живет настоящее*. Это можно объяснить плеонастичностью таких сочетаний. Употребление лексемы *будущее* в сочетании с бытийными глаголами выражает значение перспективности / неперспективности какого-либо явления (в словаре — оттенок значения «успех в будущем»): *у нашего спорта не будет никакого будущего, не говоря уж о светлом; она будущий, хотя будущего у нее нет, дизайнер; у этого режиссера нет будущего, у такого кино нет будущего; пока человек жив — у него есть будущее* (И. Грекова); *он становился счастливым: у него появлялось будущее*. Глаголы могут опускаться, но по смыслу их легко восстановить: *у вас большое будущее*. Последний пример, а также аналогичные ему (*его очень любил и считал человеком с большим будущим; уверен в большом будущем этой машины*) демонстрируют тот факт, что определение *большое* при лексеме *будущее* усиливает значение перспективности.

Параметрические определения при наименованиях других модусов имеют свою семантику. Например, в контексте *Самое большое прошлое меньше самого маленького настоящего* утверждается ценность настоящего времени.

Отмечается также и персонификация будущего: *дети — это наше будущее; будущее отечественной невропатологии не употребляло алкоголь. И не курило*. (В последнем случае присутствует ироническая окраска.) С некоторым допущением можно отнести сюда и следующий пример: *там было погребено будущее, надежды, связанные с победой* (Д. Гранин), так как погребают, как правило, человека (если только мы не имеем дело с олицетворением). Достаточно употребительным

является и клише *люди будущего: вырастить детей твердыми, не знающими, что такое слюни и сопли, людей будущего* (Л. Петрушевская). Как прием олицетворения можно рассматривать пример *виновато не прошлое, а будущее*.

Особенностью коннотативной семантики лексемы *настоящее* является ее философский подтекст, парадокс настоящего, неуловимость текущего момента, что позволяет воспринимать это время как некую высшую силу, над которой человек не властен (и в этом смысле перед нами квинтэссенция феномена времени вообще). См., например: *...пережить это настоящее, это всегда ускользающее, недостижимое и все-таки вечно манящее, вечно влекущее нас мгновение, вот это сейчас, вот сейчас. <...> Но мы не удерживаемся в этом есть, не выдерживаем настоящего, оно всегда превышает нас, мы не справляемся с ним* (А. Макушинский).

При рассмотрении типичных метафор, с помощью которых описываются настоящее и будущее время, обнаруживается особая значимость в и з у а л ь н о й м е т а ф о р ы, при этом она является наиболее типичной только при восприятии будущего: *картина будущего; контуры будущего; рисовать будущее; смотреть в будущее*. Зачастую это «затрудненное зрительное восприятие»: *заглянуть за завесу будущего; будущее тонULO во мраке; туманное будущее; неразличимая даль будущего*. Основной «стертой метафорой» является выражение «обозримое будущее», образность которого не всегда осознается носителями русского языка. (Однако в радиопередаче мы зафиксировали контекст *насколько это будущее обозримо*, обыгрывающий эту метафору.) См. также следующие примеры: *не хочу заглядывать в будущее; конструктор смотрел в будущее; гипотетическое будущее Латвии им виделось в самых радужных тонах*, и т. п. С визуальной метафорой соотносятся и контексты со словосочетанием «будущее покажет»: *какой она окажется на самом деле, покажет только будущее; будущее покажет, насколько она права; будущее покажет тебе всю меру моей признательности*. Хотя следует заметить, что во всех примерах речь идет скорее о нематериальных объектах, которые можно «увидеть» лишь в переносном смысле. При описании настоящего эта метафора отмечается не столь часто: *прошлое исчезало и запечатлялось в настоящем* (Ф. Горенштейн); *настоящее, казалось, даже не отражалось в них (глазах)* (О. Павлов); *картины настоящего; отвлекать взор от настоящего; увидеть настоящее*. Как это ни парадоксально, человек чаще «смотрит в будущее», нежели видит настоящее.

Разновидностью визуальной метафоры можно считать м е т а ф о р у о с в е щ е н н о с т и, где ясно видимое, «освещенное» время оценивается положительно (*светлое, блестящее настоящее / будущее*), а тусклое — отрицательно (*мрачное настоящее / будущее; нерадужное настоящее; беспросветное будущее*).

Из других сенсорных метафор единичным примером представлена только слуховая метафора: *созвучны прошлое, настоящее и будущее*.

Двигательная метафора (существующая в виде нескольких моделей) достаточно широко присутствует в нашем материале. В наиболее актуальной модели, как отмечалось многими исследователями [Яковлева, с. 97; Шмелев, с. 318; Катунин, с. 266–270], относительно стоящего времени движется сам

человек, при этом его движение направлено в будущее. Однако последний из названных авторов уточняет, что «если ориентация движения человека в рамках такой модели однонаправлена (от прошлого к будущему), то движение государства и общества может осуществляться как вперед (в будущее), так и назад (в прошлое)» [Катунин, с. 269]. Например: *страна дружно шагнула в туманное революционное будущее; прорваться в будущее; готово было ринуться сквозь высоковольтное настоящее в безоружное будущее; признак развитого, мощного, устремленного в будущее государства; устремленную в будущее молодую нацию* (Д. Медведев). «Устремленность в будущее» расценивается как положительное качество и поддерживается определениями *развитый, мощный, молодой*. «Устремленность в настоящее» фиксируется редко, но единичный пример такого употребления весьма показателен: *Любопытно: оказывается, женщины более устремлены в будущее, а мужчины — в настоящее* (А. Кириллин).

Следует подчеркнуть и необходимость усилий, которые могут обуславливать движение в будущее, что выражается глаголами *прорваться, ринуться*. В ряде имеющихся в нашем распоряжении контекстов это движение человека (общества) осуществляется не самостоятельно, не активно, а пассивно: *других увозили в будущее на тележке* (В. Пелевин); *далеко в будущее они ее не заташат* (В. Пелевин), и особенно — в пародийном наименовании: *труженики рыболовецкого совхоза «Вперед ногами в светлое будущее!»* (Т. Соломатина). Интересен и пример: *ей только еще предстояло упасть в будущее*, где наблюдается некое «нарушение» общепринятой пространственной ориентации, так как под движением в будущее подразумевается направление не только вперед, но и вверх (см., например, следующий контекст: *все чувства устремились в будущее, то есть ввысь*), а глагол *упасть* имеет семантику перемещения сверху вниз.

Что касается настоящего времени, то возможно либо движение по направлению к нему, либо — чаще всего — от него, при этом используется глагол *уходить* (или существительное *уход*), приобретающий в таких контекстах слабую отрицательную оценку: *уйти от настоящего; были для него уходом от настоящего* (Е. Водолазкин). Отмечено также и возвратное движение: *вернуться в настоящее; мужа нужно вернуть из мечтаний в настоящее*.

С данной моделью, относящейся к будущему, сближаются и контексты, содержащие глаголы *ждать (ждет)* и *звать*, которые предполагают движение субъекта: *ждет большое будущее; страну ждет блестящее будущее; ведущие тезисы советского искусства — воспитывать, поднимать, создавать, звать в будущее — Борис Чирков воспринимал как призвание и миссию*. Для настоящего времени более показательны сочетания с глаголом *жить (жить настоящим, жить в настоящем)*, что отражает статическое, а не динамическое состояние.

Движение, как правило, связано с наличием дороги, и в метафорическом контексте этот образ также может присутствовать: *Правая его рука указывала дорогу в будущее. Будущее тонуло во мраке* (С. Довлатов); *так что освещать темную дорогу в светлое будущее российским промышленникам придется чужими фарами; ты сам себе торчишь дорогу в будущее*. Однако в двух первых примерах

очевидна ироническая тональность, опирающаяся на обыгрывание уже описанного нами клише *светлое будущее*.

Другая двигательная модель — течение времени относительно неподвижного человека — узואально присутствует в русском языке. Среди возможных форм ее выражения — наличие субстантивированного причастия *грядущее*, сочетаний с глаголами *наступает, надвигается, приходит, подходит*. Однако в рассмотренном нами материале она практически не представлена. Исключением могут служить примеры: *иначе и не приходит настоящее, если не терпеть; обеспечит скорейшее наступление светлого будущего* (Л. Улицкая), а также следующий анекдот, построенный на обыгрывании разных значений глагола *наступить* (АиФ, 2014, № 32):

Вопрос армянскому радио:

— Что будет со мной, когда наступит светлое будущее?

Ответ:

— Это зависит от того, на какое место оно вам наступит.

С двигательной моделью связаны представления о настоящем или будущем как о некоем пространстве, где можно находиться или куда можно попасть, но они менее представлены в нашем материале. См., например, название фильма *«Гостья из будущего»*; или следующие контексты: *маргинал... слабо ориентирован в настоящем; движение по обе стороны от настоящего; путешествие из прошлого в настоящее; по направлению к великой пустоте, к будущему; мысленное проникновение в будущее; мы не можем... возвратиться в прошлое и не можем, опередив время, заглянуть в будущее, а затем вернуться в свою эпоху* (В. Комаров).

В пространственном смысле будущее в такой картине мира, как и во многих современных культурах, в русском языковом сознании устойчиво локализуется впереди субъекта (в отличие от архаических культур, например, древнерусской). Например: *лицом — в будущее* (название статьи); *вперед в будущее; где-то впереди, в далеком будущем*. Что касается настоящего, то оно не имеет ярко выраженной локализации. Пространственно-временной дейксис, знаменитое «здесь и сейчас», не позволяет зафиксировать этот модус.

Активное отношение к времени своей жизни (индивидуальной или общественной), ее настоящему и будущему отражено не только в двигательной модели, но и в контекстах с глаголами *строить, возводить, создавать, обеспечить, работать (на)*. Эти контексты можно отнести к проявлениям конструктивной метафоры: *с энтузиазмом возводившей свое настоящее* (В. Кичин); *обустройство настоящего; каждый человек, строя свое будущее, должен хорошо знать прошлое; не догонять прошлое, а создавать будущее; он обеспечит будущее своей любимицы* (И. Кио); *работая с прицелом на будущее, забывали про день текущий; соглашались ждать, работая на будущее, которое может и не наступить*.

Артефактная метафора, относящаяся к настоящему (причем в сопоставлении или соположении с прошлым), встречается нечасто и содержит

отрицательную оценку: *бесплотные призраки прошлого занимают здесь больше места, чем скудные декорации настоящего* (Ю. Вишневецкая); *мы умудрились свалить в «кучи» не только настоящее, но и прошлое нашей страны* (Ф. Горенштейн). Однако будущее метафорически предстает как некая собственность, которая может быть присвоена или отчуждена: ее можно потерять, украсть, дать кому-либо, оно может принадлежать кому-то, быть в чьих-то руках (посессивная метафора как разновидность артефактной). Например: *будущее принадлежит нам; будущее принадлежит России; будущее принадлежит детям. И будущее авиации и космонавтики тоже в их руках; футбол теряет деньги, популярность и будущее; у крали-то будущее украли* (В. Астафьев); *только учеба и знания могут дать будущее детям* (Г. Попов). Косвенно эту метафору подтверждает и следующий пример: *будущее проели на много лет вперед*. Вместе с тем это и высшая ценность, которую нужно защищать или отстаивать: *мы будем знать, что погибли, защищая будущее; защитит будущее России; это будущее мы должны отстоять в острой конкурентной борьбе*.

Таким образом, феномены настоящего и будущего остаются весьма важными в современной русской лингвокультуре. Сближаясь по некоторым параметрам как разные модусы одной сущности, они весьма различны по их восприятию человеком и отражению в языке. Прежде всего, отметим «зависимость» настоящего времени, специфика которого выявляется, как правило, на фоне или в сопоставлении с другими модусами, чаще всего с прошлым. Как писал философ Н. Н. Трубников, прошлое «тлеет в настоящем» [Трубников, с. 17]. Будущее же, несмотря на то, что является «не временем, а возможностью времени» [Неретина, с. 129], оказывается «самодостаточным» в нашем языке, соответствующая лексема широко представлена в различных контекстах, имеет развернутый метафорический спектр, множество ассоциаций. Количественные данные также показывают преобладание вербализованных представлений о будущем в сопоставлении с настоящим. Это весьма парадоксальный факт, вступающий в противоречие со словарными толкованиями анализируемых лексем, о чем было сказано выше. Сфера настоящего — это в меньшей степени разработанная и структурированная область. Можно сказать, что психологическая реальность будущего оказывается более существенной, чем онтологическая реальность текущего момента.

И настоящее, и будущее репрезентируются при помощи целого ряда метафор (что характерно для обозначения времени вообще). Это визуальная, слуховая (представленная единичным контекстом), двигательная (реализуемая двумя моделями), конструктивная, а также артефактная (и ее разновидность — посессивная) метафоры. Двигательная метафора будущего в ее разновидности, характеризующейся активным субъектом, может становиться развернутой, включая в себя понятие дороги. При этом соотношение названных метафор с анализируемыми модусами оказывается весьма специфичным. Практически все типы метафор находят отражение в представлении феномена будущего. В репрезентации настоящего почти не реализуются визуальная и посессивная метафоры, а остальные имеют особенности. Двигательная метафора не характерна

для описания настоящего, это почти всегда статичное время, а «уход» от него оценивается отрицательно, тогда как «движение в будущее» — положительно. Вместе с тем осознается особое «напряжение», «нерв» переживаемого момента, его парадоксальность, метафизичность.

При восприятии феномена настоящего важны не способы его познания, а размышление о нем, его оценка. Отсюда употребление ментальных глаголов в сочетании с соответствующей лексемой: *думать / размышлять о настоящем; понимать / осознавать настоящее; говорить о настоящем*. Способы познания будущего не слишком объективированы, а те из них, что представлены в анализируемом материале, практически не отличаются от названных Г. Рейхенбахом: это планирование, прогнозирование, предвидение и предчувствие. И если в диалектной среде, как было показано нами ранее [Белякова], преобладает прогнозирование, во многом основанное на иррациональном подходе и лишенное планомерности и целеполагания, то в сфере, обслуживаемой литературным языком, эти способы представляются равнозначными. Чаще всего для обозначения познания будущего используется глагол *увидеть*, который может обозначать практически все названные способы.

Некоторые (и довольно многочисленные) языковые факты указывают на ироническое отношение к феномену будущего, что, возможно, подтверждает мнение Д. В. Панченко, касающееся современного периода: «произошло незначительное, но принципиальное смещение акцентов: мы больше не живем для будущего» [Панченко].

Пространственные характеристики будущего четки и определены: оно находится впереди субъекта, с этими представлениями логически связана и двигательная метафора. Как дополнительный пространственный признак можно рассматривать направление движения снизу вверх. Примеры типа названия серии фильмов «Назад в будущее» демонстрируют сознательное нарушение пространственной ориентации для подчеркивания связи, «закольцованности» прошлого и будущего. Пространство настоящего является неопределенным в привычных координатах.

Феномен времени, в том числе в его ипостасях настоящего и будущего, продолжает оставаться парадоксальным, но вместе с тем актуальным для нашего социума. При этом восприятие и оценка его модусов могут подвергаться изменениям, что и демонстрируют факты языка.

Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005.

Катунин Д. А. Пространственные аспекты метафорических характеристик времени в русской языковой картине мира // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / ред. З. И. Резанова. Томск : UFO-Plus, 2007. С. 263–295.

Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 55. № 3. 1996. С. 3–24.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988.

Мельчук И. А. СЕЙЧАС и ТЕПЕРЬ в современном русском языке // Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл — Текст». М. ; Вена : Школа «Языки русской культуры» : Венский славистический альманах, 1995. С. 55–79.

Неретина С. С. Средневековое мышление как стратегема мышления современного // Вопр. философии. 1999. № 11. С. 122–150.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru.

Панченко Д. В. Когда закончилось Новое время? // Журнальный клуб Интелпрос «Неприкосновенный запас». 2009. № 5 (67). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/pa2.html> (дата обращения: 29.08.2014).

Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М. : Прогресс, 1985.

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: В поисках утраченного. М. : Языки славянской культуры, 1997.

Современный русский язык : учебник для филол. специальностей ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. ; под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1989.

Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М. : Наука, 1987.

Шмелев А. Д. Русский язык и неязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994.

Статья поступила в редакцию 01.12.2015 г.

Белякова Светлана Михайловна

доктор филологических наук,
профессор
кафедры общего языкознания
Тюменский государственный
университет
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: smbelyakova@gmail.com

Belyakova, Svetlana Mikhailovna

Dr. hab. (Philology), Professor,
Chair of General Linguistics
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., 625003 Tyumen, Russia
E-mail: smbelyakova@gmail.com

THE PRESENT AND FUTURE IN RUSSIAN LINGUOCULTURAL SPACE

Referring to materials from the National Corpus of the Russian language, the author studies the idea of the present and future characteristic of modern Russian linguoculture. The author focuses her attention on contexts with the substantives *настоящее* (the present) and *будущее* (the future). The article aims to determine the main idea of these modes of time, their interconnection, as well as reveal metaphors used to describe the present and the future and establish the means of their perception.

The analysis of contexts containing the word *настоящее* (the present) shows that they generally contain a comparison of this mode with others. Only 24 percent of all instances have this word used alone, while in the majority of cases it is compared to the past and conditioned by it. It is the most dependent time. Contrary to this, the future is represented as self-sufficient (accounting for 85 percent of independent uses). However, the future is quite often regarded ironically.

The analyzed modes are described by means of the following types of metaphors: visual, auditory, motor, structural, and artifact (and its realization — the possessive metaphor). They are all typical of the objectification of the future. When it comes to the representation of the present, the visual and possessive metaphors are not used and the others have a number of peculiarities.

It is not the methods of the perception of the future that matter when it comes to its cognition but reflection and its evaluation. The ways to cognize the future are planning, prediction, foresight, and premonition, most often conveyed through the verb *увидеть* (to see). Though evolving, the phenomenon of time continues to be relevant for our society.

К е y w o r d s: Russian language; vocabulary; phraseology; metaphors; time; present; future; means of cognition.

Beliakova, S. M. (2005). *Obraz vremeni v dialektnoi kartine mira* [The Image of Time in the Dialectal Picture of the World]. Tiumen': Izd-vo Tiumen. gos. un-ta. (In Russian)

Beloshapkova, V. A. (Ed.). (1989). *Sovremennyi russkii iazyk. Uchebnik dlia filologicheskikh spetsial'nostei universitetov* [The Modern Russian Language. A Textbook for University Students of Philology] (2nd ed.). Moscow: Vysshiaia shkola. (In Russian)

Evgenyeva, A. P. (1985–1988). *Slovar' russkogo iazyka* [A Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4) (3rd ed.). Moscow: Rus. iaz.: Poligrafresursy. (In Russian)

Katunin, D. A. (2007). Prostranstvennye aspekty metaforicheskikh kharakteristik vremeni v russkoi iazykovoi kartine mira [Spatial Aspects of the Metaphorical Characteristics of Time in the Russian Linguistic Picture of the World]. In Z. I. Rezanova (Ed.), *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v iazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Spatial Patterns in Language and Text] (pp. 263–295). Tomsk: UFO-Plus. (In Russian)

Kravchenko, A. V. (1996). Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom iazyke [The Cognitive Structure of Space and Time in a Natural Language]. *Izvestiia Akademii Nauk. Seriya literatury i iazyka*, 55, 3, 3–24. (In Russian)

Mel'chuk, I. A. (1995). SEICHAS i TEPER' v sovremennom russkom iazyke ['HERE and NOW' in the Modern Russian Language]. In I. A. Mel'chuk, *Russkii iazyk v modeli «Smysl — Tekst»* [Russian Language in the Model “Meaning — Text”] (pp. 55–79). Moscow; Vena: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury»: Venskii slavisticheskii al'manakh. (In Russian)

Neretina, S. S. (1999). Srednevekovoe myshlenie kak strategema myshleniia sovremennogo [Medieval Thinking as a Stratagem of Modern Thinking]. *Voprosy filosofii*, 11, 122–150. (In Russian)

Panchenko, D. V. (2009). Kogda zakonchilos' Novoe vremia? [When Did the Early Modern Time Finish?]. *Zhurnal'nyi klub Intelros «Neprikosnovennyi zapas»* [Magazine Club Intelros “Emergency Ration”], 5 (67). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/pa2.html>. (In Russian)

Reichenbach, H. (1985). *Filosofiia prostranstva i vremeni* [The Philosophy of Space and Time]. Moscow: Progress. (In Russian)

Russian National Corpus. Retrieved from <http://ruscorpora.ru/>. (In Russian)

Savel'eva, I. M., & Poletaev, A. V. (1997). *Istoriia i vremia: V poiskakh utrachennogo* [History and Time: In Search of the Things Lost]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Shmelev, A. D. (2002). *Russkii iazyk i neiazykovaia deistvitel'nost'* [The Russian Language and Non-Linguistic Reality]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Trubnikov, N. N. (1987). *Vremia chelovecheskogo bytiia* [The Time of Human Existence]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoi iazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatiia)* [Fragments of the Russian Linguistic Worldview (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow: Gnozis. (In Russian)

Received 1 December 2015